

**БЕЛЫЙ ЩЕНОК
ИЩЕТ ХОЗЯИНА**

ПРЯМАЯ СТРЕЛА

Хребет, покрытый сосновым лесом, врзается в город с юга. Он разрубает на две части самую солнечную окраину. Слева раскинулся новый район восточных улиц. Справа белеет многоэтажный поселок химкомбината.

Горы небольшие. Но все-таки это горы. Есть там и острые каменные зубцы, и гранитные обрывы, хоть встречаются они не часто. Зато много круглых вершин, на которые могут подняться даже совсем маленькие мальчишки. На одной из самых высоких гор сосны растут и открывают поляну. Здесь, в метелках высокой травы, среди глазастых ромашек греются под солнцем валуны, похожие на спящих слонят. Сухой зеленовато-серый мох покрывает спины слонят узорчатыми чешуйками.

Если взойти на эту вершину да еще подняться на самый большой валун, то можно увидеть, как горы плавными волнами уходят к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутываются синевой и, наконец, сливаются на горизонте с морем совершенно синего леса. Это если смотреть на юг...

А если повернешься к северу, то сквозь поредевший лес у подножия зеленых склонов увидишь дома под цветными крышами, и ленточку асфальта, и синий троллейбус на этой ленточке... Там лежит поселок Стрелогорск.

Это имя дали ему не зря. Сам хребет называется странно и красиво — Прямая Стрела. Так назвали его древние жители гор, смелые всадники в острых лисьих шапках, с луками, выгнутыми, как маленькие коромысла. Говорят, по берегам ручья, который бежит вдоль западного склона, рос удивительный кустарник с прямыми и крепкими ветками. Всадники делали из этих веток стрелы.

Стрелогорску тесно внизу. Некоторые улицы уже заползают на горы, подобрались к самому лесу. На самой высокой улице, на той, за которой уже поднимается березовый подлесок, как раз и живут

герои этой повести. Вообще там живет много людей: рабачие с химкомбината и фабрики «Металлист», почтальоны, учителя, шофер дядя Саша, лейтенант милиции Сережа, мальчишки и пенсионер Гурьян Кириллович.

О Гурьяне Кирилловиче стоит рассказать подробнее потому, что мы с ним еще встретимся. Мальчишки не любят этого почтенного человека. Называют его не иначе как Курьян Курилыч. Впрочем, чаще зовут его просто Курилычем. А все из-за того, что Гурьян Кириллович каждый день рассказывает соседям, будто бросил курить. Ему вредно курить. У него гипертония и больное сердце. Поговорив о гипертонии и больном сердце, Курилыч обязательно попросит папироску — последнюю, будь она проклята. И уйдет, тяжело покачивая животом, подхваченным снизу прочным ремнем.

Лицо у Курилыча мясистое и красное, будто он каждый день трет его спелой свеклой. Мальчишкам это не нравится. Они говорят, что у инвалидов не бывает таких здоровых мор... то есть лиц. Не ценят они и мужества Курилыча. Ведь он, несмотря на больное сердце, копается целыми днями на своем огороде, в малиннике или среди кустов крыжовника. А то еще возьмется дрова колоть. Кубометров пять за один прием наколет и в поленицу сложит. Жизнь рискует человек, а мальчишки смеются. И всякие обидные слова говорят. Придумали даже, что свою инвалидную мотоколяску Гурьян Кириллович приобрел незаконным путем. Мол, у него две ноги, и коляска не нужна. Не соображают, что грузному человеку, да еще с таким животом, трудно пешком ходить...

В Стрелогорске смешались деревянные старые домики и новые здания из крупных панелей. Поэтому рядом с домом Курилыча поднимается трехэтажный корпус. Новый, светло-розовый, с большими веселыми окнами. Здесь-то и живут враги почтенного владельца мотоколяски... Впрочем, хватит о нем. Речь главным образом пойдет о мальчишках.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. ХУДОЖНИК ВОВКА РИСУЕТ С НАТУРЫ

— Боря-а! Бори-и-ска!

Слышишь? Нам повезло. Сейчас мы и познакомимся с главным героем повести. Это мать Борки Уголька открыла окно и с третьего этажа своим певучим голосом вызывает:

— Борис! Ну, где ты, наконец?!

А правда, где он? Ага, вот...

На середине двора стоит коричневый «москвич». Из-под «москвича» торчат четыре ноги. Две ноги — в желтых туфлях сорок третьего размера и узких синих штанах, две другие — в старых маленьких сандалиях и в разных царапинах. Особенно интересна одна царапина, украшающая левую ногу. Длинная, зигзагообразная, словно молния.

После каждого крика нога с царапиной-молнией досадливо дрыгается. Значит, она принадлежит Борису. И значит, Борис помогает шоферу.

Ноги, конечно, не голова. Но и по ним судить о человеке можно. Царапины говорят о том, что человек презирает гладкие дороги. Левая сандалия с протертой насквозь подошвой доказывает, что ее хозяин любит скорость: ведь левой ногой толкаются, когда мчатся на самокате. На правой ноге обувь просит каши. Подошва оторвалась. Все знают, что сами подошвы отрываются редко. А вот если садануть как следует по мячу...

— Бориска! Уголек! Долго мне ждать?!

Две ноги начинают выползать из-под машины. Появляются на солнце вымазанные автолом колени. Потом вельветовые штаны, загорелый живот и сбитая на грудь рубашка в красную и желтую клеточку.

Ты думал, что Бориска черный, как цыганенок? Ничего подобного. Волосы у него не светлые, но и не темные, а самые обыкновенные. А почему же тогда все зовут его Угольком? Может быть, из-за глаз? Они у Бориски и вправду словно блестящие угли. Но ведь ему девять лет. А когда человеку девять лет, кого интересуют его глаза? Просто фамилия такая у Бориски — Угольков. Потому и дали это прозвище. И Угольком его зовут гораздо чаще, чем настоящим именем.

Он стоит посреди асфальтового двора, щурясь от солнца и прикусив нижнюю губу. Прикусил губу он от досады: так и не дали ему помочь дяде Саше до конца.

— Уголек! — закричала мама. — Появился, слава богу! Ну-ка скажи, куда ты дел ручку от мясорубки?

— Хорошенькое дело, — обиделся он. — Я ее и не видел.

— А где веревка для белья? Тоже не видел? Кто учил Вьюна через нее прыгать?

— Это была другая веревка! — крикнул Уголек. — Маленькая! — Он не стал уточнять, что маленькая веревка была проводом от электроутюга. — А про большую я не знаю...

— Вы посмотрите! Он ничего не знает!.. А кто Гурьяну Кириллычу пистоны в замок сунул, тоже не знаешь, да? А он почему-то знает!

— Какие пистоны? — сказал Уголек и стал разглядывать палец, который вылез из правой сандалиии.

— Вот приди домой! Узнаешь какие! — рассердилась мама.

Она обязательно сердилась, если не могла что-нибудь найти или если у нее что-нибудь не получалось. Тогда Угольку вспоминались все грехи, и ему попадало. Бывало даже, что не совсем справедливо попадало...

От упоминания о пистонах вполне могло испортиться настроение. И оно уже начало портиться. Угольку не захотелось возвращаться под машину. Уголек грустно задумался. Он вздохнул и повернул голову, чтобы почесать плечо о подбородок.

И тогда он увидел Белого Щенка.

В двадцати шагах от Уголька тянулся забор, опутанный сверху колючей проволокой. Его построил Курильч, чтобы отгородить свои грядки, парники и малинник от шумного и опасного двора соседей. Новых досок он не нашел, забор получился кривой и разношерстный. И вот на сером и скучном заборе кто-то нарисовал мелом Щенка.

Щенок был веселый. Он припадал на передние лапы, улыбался и тявкал. Правое ухо у Щенка торчало, как стрелка, а кончик левого загибался вниз.

Уголек подходил к забору медленно, широко раскрыв свои большие черные глаза. Будто оказалось перед ним невиданное чудо. Щенок смотрел на него с забора и улыбался, словно звал поиграть.

— Ты как сюда попал? — спросил Уголек. — Тебя кто нарисовал?

Но собаки, нарисованные на заборе, не умеют разговаривать. Щенок улыбался и молчал. Уголек тоже заулыбался и протянул к забору ладонь. Рука сама потянулась, словно хотела погладить Щенка. Но как погладишь, если под ладонью только шершавые доски...

— Уголек, здравствуй! А я на дачу еду.

Бориска оторвал глаза от Щенка. Дядя Саша уже вылез из-под машины и теперь заталкивал в багажник огромный рыжий чемодан. Рядом стоял приятель Уголька Вовка Ларионов, Вовка Художник. Несмотря на жару, он был в длинных бархатных штанах и такой же куртке, похожей на колокол. Говорят, это обычный костюм художников. Сверху Вовку накрывала широченная войлочная шляпа, которую в прошлом году он привез из Сочи.

Счастливо блестя круглыми очками, Вовка повторил:

— Мы на дачу едем.

Уголек молчал. Подумаешь, на дачу едет! Какой интерес ехать на дачу в августе? И вообще, зачем дача, когда лес в двух шагах от дома, где живут Уголек и Вовка.

Уголек снова глянул на забор.

— Слушай, Вов, не знаешь, кто его нарисовал?

— Щенка? Я, — сказал Вовка так спокойно, словно речь шла о какой-нибудь обыкновенной обезьяне или, скажем, крокодиле.

— Ух, Вовка, — выдохнул Уголек, — замирая от проснувшейся надежды. — Ты просто так рисовал, из головы, или срисовывал?

— Я всегда рисую с натуры, — солидно сказал Вовка. — Утром я вышел подышать свежим воздухом. Ты, конечно, еще дрыхнул... Я вышел, а он сидит. Потом стал какой-то щепкой играть, развеселился. У калитки, где лужа. Я посмотрел и набросал для разминки... Ничего?

— А где он сейчас? Вовка! Где? — отчаянным голосом спросил Уголек.

— Ушел, — развел руками Вовка и снова между прочим кивнул на рисунок: — Ну как?

— Ушел. Эх ты...

Вовка, видя, что Уголек воздерживается от оценки его произведения, надул губы.

— Славная псина, — грустно сказал Уголек. — Чья же она?

— Может быть, ничья. Ведь без ошейника.

— Правда! Вдруг ничья? Может, потерялась...

Полыхнув нарядным цветастым платьем, к машине проплыла Вовкина мать.

— Вовочка, мы едем.

— Ну, пока, — сказал Вовка Художник.

— Ты не знаешь, как его звать? — глупо спросил Уголек у захлопнувшейся дверцы.

Машина выпустила синий дымок и укатила со двора.

СОБАК ВОСПИТЫВАЮТ С ДЕТСТВА. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ БЬЮНА

Уголек шел домой с опаской. Но мама уже отыскала и ручку от мясорубки, и веревку. А порванный провод от утюга она еще не видела. Поэтому она не вспомнила о пистонах, и Уголек не получил ни шлепков, ни подзатыльника. Мама весело велела ему смыть с себя мазут и садиться обедать. А сама стала собираться в клуб. Она спешила на занятие оперной труппы. Мама всегда куда-нибудь спешила: то на работу, то в вечерний институт, то на репетицию.

— Не хочется есть, — сказал Уголек. Он и думать не хотел о еде. Он думал о щенке.

Уголек вздохнул и позвал:

— Кис! Вьюн! Иди сюда!

— Бедное животное, — жалобно сказала мама. — Ты, Уголек, ненормальный...

Но это была неправда. Голова Уголька работала отлично. Он даже окончил второй класс без троек. Тройку вывели только по рисованию. Уголек не меньше других любил гонять футбол, прыгать с сарая и лазить за малиной в огород Курилыча. То есть он был вполне нормальным человеком.

Но у него была страсть: он бредил собаками.

Конечно, есть люди, которые равнодушны к собакам. Есть даже такие глупцы, которые боятся собак. Эта повесть не для них. Им не понять человека, в груди которого бьется сердце, полное любви ко всем собакам на свете: к лохматым городским дворнягам, к мужественным пограничным псам, к смелым караульщикам овечьих стад, к благородным представителям охотничьих пород и даже к неприютным динго — жителям австралийских степей.

Конечно, если бы имел Уголек свою собаку, он излил бы любовь на нее одну.

Но не было собаки.

В прошлом году, летом, Уголек чуть не стал самым счастливым.

Он шел с мамой в гастроном и у крыльца магазина увидел пса.

Пес был большой и пегий. Он линял, и шерсть висела клочьями на худых боках. У него была добрая розовая пасть и чудесные коричневые глаза.

— Ох, какой ты... — выдохнул Уголек. Он медленно поставил на асфальт сумку с банкой для сметаны. Он сел перед псом на корточки.

— Боря! — воскликнула мама и певуче застонала.

Пес перестал зевать. Веселыми глазами он посмотрел на Уголька и, поднимая пыль, заколотил по асфальту тяжелым хвостом.

— Псина. Милая, — сказал Уголек.

Он притянул к себе мохнатую голову с полувисячими ушами и прижал ее к плечу. Милая псина облизала Угольку ухо. Сердце Уголька от радости запрыгало, словно крышка на кипящем чайнике.

— О-о, — проговорила мама издали, потому что боялась собак больше, чем мышей и скарлатины. — О-о... Не прижимай это чудовище.

Чудовище облизало Угольку второе ухо.

Пока сын обдумывал, какой угол в квартире лучше подойдет для собаки, а мама выбирала место, чтобы упасть в обморок, на крыльце

раздалось постукивание. Из магазина вышел человек с седой щетиной на подбородке и деревяшкой вместо левой ноги.

— Балалай, — сипло позвал он.

Балалай бросил Уголька, медленно поднялся и описал вокруг хозяина ленивую орбиту. Как большая планета вокруг светила. Светило, что-то бормоча, прятало в кармане зеленое горлышко поллитровки.

Уголек молчал. Но в его черных глазах, наверно, была такая тоска, что человек решил снизойти до разговора.

— С тобой Балалай не пойдет. Н-не пойдет, — сообщил он, уперев в Уголька мутноватый взор. — Ты собаку с детства... воспитывай с детства. Тогда пойдет. Потому что преданность в ней. Вот я последние штаны... отдам. А собаку н-ни за что...

Видимо, он собрался произнести длинную речь о собачьей преданности, но мама, оправившись от потрясения, схватила Уголька за локоть и увлекла от опасного места...

Итак, собаки не было. Был только пожилой кот Вьюн, прозванный так за то, что в молодости отличался изяществом и грациозностью.

Собачья жизнь не для котов. Коты созданы для того, чтобы по ночам дурными голосами орать на крышах, днем спать на солнце, утром и вечером воровать на кухне молоко и рыбу, а в свободное от этих занятий время изредка ловить мышей. Вьюн считал такой образ жизни совершенно правильным. Уголек считал иначе.

У него не было верного пса, который бы вытаскивал хозяина из кипящей морской пучины, шагал с ним по ледяным арктическим пустыням, помогал в охоте на носорогов и ловил шпионов. Зато у нашего Уголька было богатое воображение. А с помощью воображения нетрудно сделать из кота собаку.

Начались для Вьюна тяжелые дни. Через неделю он похудел и стал тонким, как в юности. Он сопротивлялся. Он показывал когти. Но через месяц Вьюн понял, что для собственного благополучия следует ходить на цепочке, не упираясь, и становиться на задние лапы, как только этого захочет упрямый хозяин.

В общем, он многое понял.

Но ничего не понял Митька Шумихин. И его друзья не поняли.

Когда Уголек первый раз вывел кота на цепочке от старых ходиков, во дворе раздался восторженный вой пяти глоток.

Даже Витька Мушкетер, которого Уголек считал человеком благородным и умным, поддался общему настроению. Он подскочил к Угольку, вежливо помахал перед ним бумажной шляпой и задал вопрос:

— Позвольте узнать, что за порода у вашей великолепной собаки?

- Верблюды, — сказал Уголек.
- Очевидно, иностранная порода? Удивительное название...
- Ты верблюд, — уточнил Уголек, отойдя поближе к дому...

Ты думаешь, с тех пор он бросил дрессировать Вьюна? Уголек упрямый. Если смеются над ним или не получается что-нибудь, он только прикусывает нижнюю губу. Даже глаз не прищуривает, как это делают другие упрямые люди. Он лишь прикусит губу, а глаза открывает еще шире, будто удивляется чему-то.

УГОЛЕК НЕ ХОЧЕТ БЕЖАТЬ. ДВОЕ И ОТЧАЯННАЯ ТЕТКА

В доме, где живет Уголек, в каждом подъезде — сквозной коридор. Одна дверь ведет на улицу, другая во двор.

Во двор Уголек не пошел: там он мог встретить Митьку и других своих недоброжелателей. А друзей Уголька в городе не было. Разъехались на лето кто куда. Вовка Художник оставался, но и тот сегодня уехал на дачу.

Уголек перехватил покороче цепочку и вывел кота на улицу.

Эх, и не повезло же ему! Вся Митькина компания двигалась навстречу. Впереди приплясывал маленький веснушчатый Сережка. Он с Угольком учился в одном классе. Только там его звали не Сережкой, а Шурупом. Шуруп — вот и все. Это за вертлявость.

За Шурупом шли шеренгой сам Митька Шумихин и толстощекие неповоротливые братья Козловы — Глебка и Валентин. Они очень похожи, но Валентин отличается более высоким ростом и глупостью.

Сережка Шуруп крутился перед ним и что-то рассказывал писклявым своим голосом. Шурупа слушали, и сначала никто не увидел Уголька.

Немного в стороне от компании шагал Витька Мушкетер. Он не обращал внимания на Шурупа, потому что презирал его. Уголька он тоже не заметил. Тонкой сосновой шпагой, изящно выгибая талию, Витька рубил головы ромашкам. Эти ромашки цвели у тротуара. Ветер принес семена из леса, и они проросли у асфальта. Не думали, что погибнут от клинка легкомысленного Мушкетера.

Лишь одну ромашку пощадил — самую большую, приютившую на себе черно-золотистую пчелу. Узкий клинок вздрогнул и замер у самого стебля. И уткнулся в траву. Витька Мушкетер вздохнул и поднял задумчивые глаза. И заметил Уголька.

— О-о, — сказал Витька. — Взгляните, почтенные дамы и господа.

«Дамы и господа» тоже увидели Уголька. Братья Козловы радостно завопили. Шуруп завертелся вокруг оси. Митька замотал своим казацким черным чубом и сделал вид, что боится Вьюна.

— Тише, — сказал Митька. — Оно кусается...

После этого они двинулись навстречу Угольку. И ничего хорошего такая встреча не обещала. Мушкетер еще помнил «верблюда», Митька вообще любил дразниться, братья Козловы были с ним за компанию. А Шуруп всегда был за тех, кого больше, — на всякий случай.

Уголек стоял. Сзади была открытая дверь, но он стоял, потому что бежать ему мешала гордость. А может быть, это была не гордость, Уголек и сам не знал. Если бы за ним гнались, кричали, свистели, он бы, конечно, удирал без оглядки. Но мальчишки подходили медленно. Они ухмылялись. Будто испытывали нервы Уголька. И он не двигался, стоял, прикусив губу.

— Я ведь к вам не лезу, — сказал наконец Уголек.

— Пусть он прыгнет через огненное кольцо, — потребовал Митька и показал концом ботинка на Вьюна. Вьюн сидел, лениво щуря желтые глаза. Ему было все равно.

— А где мы кольцо-то возьмем? — спросил глупый Валентин.

Витька Мушкетер вытянул шпагу и пощекотал ею кошачьи усы. Вьюн сморщился и зевнул. Это всем, кроме Уголька, понравилось. Витька повторил опыт. Вьюн вдруг размахнулся и трахнул лапой по шпаге.

— Презренный, — холодно сказал Мушкетер. — Ты оскорбил священный клинок. Ты умрешь.

— Они умрут оба, — решил Митька. — Взять их!

— Взять их! — завертелся Шуруп.

Братья Козловы с сопением потянулись к Угольку. Он отступил на крыльцо, а потом в дверь. Братья не отвязывались, и Уголек прошел спиной вперед весь коридор. Он отступал молча и думал, что все равно поймают. Завернут назад руки, дадут в лоб пару шалабанов. Это ничего, но Вьюна жалко. Начнут сами «дрессировать» ко-та — замучают. Он хоть и дурак, а все-таки...

Уголек пытался и забыл, что сзади есть ступенька. Он сорвался с крыльца. На ногах удержался, только пришлось пробежать задом наперед несколько шагов.

А когда он остановился, случилось неожиданное.

Уголек увидел, что стоит между двух мальчишек, одетых в одинаковые белые рубашки и сатиновые трусы. Но сами мальчишки были неодинаковые.

Тот, что стоял слева, был высокий, даже повыше Мушкетера, и красивый. То есть, может быть, и некрасивый, но Угольку понравился, лицо понравилось и волосы — густые такие, светлые и курчавые, прямо целая шапка. А справа стоял мальчишка весь какой-то круглый. Толстоватый, низенький, голова стриженная и уши торчком.

Они устали на Уголька.

— Держите его! — заорали с крыльца братья Козловы, Митька Шумихин и Шуруп.

Незнакомые мальчишки враз положили ладони на плечи Уголька.

— Держим, — весело сказал старший.

Уголек не двигался. Ясно, что попался. Эх, была бы настоящая собака!

— Толик, а зачем держать? — вдруг спросил круглый.

— Зачем держать? — спросил Толик у Митьки.

Митька прищурился, разглядывая незнакомцев.

— Надо, — сказал он, — вот и держите.

Круглый мальчик снял с плеча Уголька ладонь и поглядел на Вьюна. Вьюн сидел с безразличной мордой.

— Киса, — осторожно сказал круглый и погладил Вьюна.

Кот неожиданно выгнул спину и ласково муркнул. Мальчишка взял его на руки и почесал за ухом. Вьюн потерся щекой о белую рубашку. Наконец-то с ним обращались не как с собакой.

Уголек удивился. Разве не удивительно? То поймали, а то ласкают его кота. А дальше что? Он по очереди смотрел то в одно, то в другое лицо. Но высокий Толик разглядывал Митьку, а его круглый приятель гладил Вьюна.

— Дай-ка нам кошку, — велел Митька.

— Это их кошка? — удивился круглый.

— Мой кот, — сказал Уголек. — Правда, мой.

— Это его кот, — объяснил Митьке Толик.

Митька через плечо глянул на свою армию. Потом поинтересовался:

— А если по зубам?

— А если обратно? — улыбнулся Толик.

Круглый мальчик отпустил кота. Митька сказал:

— Мушкетер, дай саблю.

Но Витька не дал: благородное оружие — не для уличных потасовок. Он прислонил шпагу к стенке.

— Дать им? — хором спросили братья Козловы.

— Дать им! — завертелся Шуруп.

— Дать или не дать... — задумчиво произнес Мушкетер и скрестил руки.

— Вы откуда? — хмуро поинтересовался Митька. — Откуда два таких?..

— А что?

— А у нас закон: кто нахальный, того все сразу бьют, без правил.

— Получается?

— Щас покажем.

Братья Козловы с готовностью засопели.

Уголек рывком снял с Вьюна ошейник. Уноси ноги, Вьюн! Сейчас здесь будет веселая жизнь! Отчаянная смелость зазвенела в Уголке: он был не один. И он до конца будет защищать новых друзей.

— Славка, — сказал Толик, — позови тетушку.

Круглый Славка сложил рупором ладони. Ну и голос! Угольку почудилось, что в доме дрогнули стекла.

— Тетка, к бою!!

Прошла секунда изумленного молчания. Потом вторая. Когда кончалась третья, в первом подъезде раздался дробный грохот и вырвалось что-то непонятное — зеленое и голубое.

Оно ударило Митьку в живот. Митька прижал к желудку ладони и стал медленно сгибаться, будто простреленный навывлет. Глаза у него таращились, а рот беззвучно открывался и закрывался. В это время братья Козловы, с большой силой трахнутые друг о друга лбами, безуспешно пытались понять, что случилось. Шуруп лежал на земле и верещал на всякий случай. Ему не попало, он успел упасть заранее. Уголек, сбитый на асфальт, покатился под ноги Толику. Мушкетер стоял рядом с дверью на цыпочках и не шевелился, будто его приклеили.

Тут шум затих, и Уголек понял, что никакой тетушки нет. Была девчонка. Ростом с Мушкетера, в зеленой кофточке и синей юбке. У нее были толстые, как у негра, губы, румяные щеки и отчаянные глаза. А еще были косы, торчащие вверх от затылка и загнутые, как рога на шлеме викинга.

Уголек сел.

— Совершенно бестолковая ты, Тетка, — сказал Славка, — его-то за что?

Толик молча поставил Уголька и отряхнул.

— И вообще! — возмутился Славка. — Всегда одна. А мы тоже хотели...

Митька наконец распрямылся и сипло пообещал:

— Встретимся еще.

На него не смотрели. А чего на него теперь смотреть? Сгибаясь, он ушел. Ушли за ним, потирая лбы, братья Козловы. Исчез Шуруп. Только Витька Мушкетер не исчез. Он зацепился штанами за гвоздь, когда Тетка мимоходом шарахнула его. И отцепиться не мог. Рвать штаны Витька не хотел и с философским спокойствием ждал решения своей судьбы.

Толик подошел и отцепил Мушкетера.

— Благодарю, — сказал Мушкетер.

Высокий красивый Толик промолчал.

— Ну, я пойду, — вздохнул Мушкетер.

— Ну, иди.

Уголек спросил у Толика:

— Вы сюда к кому пришли?

И Толик сказал:

— Жить.

— В шестую квартиру? — догадался Уголек. — Там раньше полковник Карпов жил.

— Вот это да! Полковник... — удивился круглый Славка. — А ты кто?

— Я? Просто... Борька. Угольков.

— Толик, — сказал Толька и протянул тонкую ладонь, — Селиванов.

Уголек нерешительно подержал пальцы Толика. Он впервые здоровался за руку.

Славка тоже сказал:

— Селиванов. Славка.

Второе рукопожатие получилось лучше.

— Селиванова, — буркнула Тетка и дала Угольку руку, украшенную боевой ссадиной. — Пока. У меня дела.

Уголек смущенно поглядел вслед.

— А чего у нее... имя какое-то не такое. Так Каштанку звали, когда она у Дурова жила. Тетка...

— А это и не имя, — объяснил Толик. — Она в самом деле наша тетка. Папина сестра. Вообще ее Надеждой зовут.

Славка спросил:

— А почему у тебя кот на цепочке? Дрессированный?

Это были друзья. Уголек сразу понял. Понял, что смеяться не станут. Они сели на крыльцо, и Уголек рассказал все. И про веселого пса Балалая, у которого хозяин с деревяшкой вместо ноги. И про дрессировку Вьюна. Вьюн хороший. Но он все-таки кот, а не настоящая собака. На цепочке его водить неудобно. И мальчишки смеются.

— Мне бы щенка, — сказал Уголек. — Чтобы с детства его воспитывать. Собаку обязательно надо воспитывать с детства. Только где ее взять? Утром бегал тут один щенок, да и тот...

И Уголек рассказал про щенка, которого нарисовал Вовка.

— Не мог уж поймать, — снова обиделся он на Вовку. — Все равно он, наверно, беспризорный. Здесь таких щенков нет, я же знаю. И без ошейника он.

Угольку стало грустно. И чтобы утешить его, Толик сказал:

— Может, врет он, твой Художник.

И Славка добавил:

— Может, не было щенка совсем...

НО БЕЛЫЙ ЩЕНОК БЫЛ

Он и сам не помнил, откуда взялся. Помнил только нагретый солнцем деревянный пол, который немного качался. С одной стороны пол огораживала железная сетка, и на ней висели большие красно-белые кольца. Внизу за сеткой плескалась вода. Много воды. А с другой стороны тянулась белая стена с окнами.

А еще он помнил дом на колесах, длинный коридор и кругом полки, а на полках люди. Пол в коридоре все время дрожал, и под ним что-то стучало.

Щенок сначала боялся, а потом привык.

Он привык, потому что его успокоили Руки. Это были большие и добрые Руки. Щенок помнил их с тех пор, как помнил себя. Он узнавал их сразу: Руки пахли дымом, смолой, рыбой и маслом, которыми мажут ружье. Щенок знал ружье. Он его побаивался, хотя и скрывал это. Ружье умело грохать так, что земля подпрыгивала, а в ушах долго звенело.

Но сейчас ружье спало в узком черном чемодане. Оно ехало рядом с пузатым зеленым мешком, в котором лежало мясо и сухая рыба. Иногда Руки давали мясо и рыбу щенку. Потом Руки гладили щенка, играли с ним, ласково ерошили шерсть на загривке. Играя, он мягко хватал Руки губами.

Однажды Руки сняли с него ошейник с цепочкой, пустили побегать. Щенок побегал и лег под лавкой. Но мимо проплыла большая корзина, и она пахла мясом. Щенок тихо пошел за корзиной. Открылась дверь, ударил ветер, и щенок попятился. Но корзина пахла мясом, и он пошел за корзиной туда, где сильно гремело.

Корзина опустилась на пол. Рядом с ней остановились две ноги в сапогах, но сапоги щенка не интересовали. Он ткнул носом корзину.

И тогда один сапог страшно ударил щенка в живот.

Навстречу помчалась зеленая земля, и в уши набился воздух. Потом стало темно.

Долго было темно. Когда щенок открыл глаза, у него болели лапы и голова. Он заскулил и стал ждать, когда Руки поднимут его. Но Рук не было. Кругом только тихо качалась трава. Щенок поскреб лапами землю и встал. Он хотел пить и есть. Впереди виднелись дома. Они казались очень маленькими. Щенок уже понимал, что такое дома. Он пошел к ним сквозь густую пахучую траву.

Он шел долго и оказался в городе, когда солнце спряталось за домами.

СОЛНЦЕ И ЛЕС. НЕ НАДО УБИВАТЬ МАМОНТОВ

У сосен мохнатые зеленые лапы. Они закрывают небо. Только отдельные клочки неба можно увидеть сквозь темные ветки. Зато эти клочки синие-синие, в них гораздо больше синевы, чем в целом небосводе.

Солнце в лесу тоже особенное. Оно висит, запутавшись в вершинах сосен, и похоже на большую золотую звезду с тысячью лучей. Лучи прорезают темный зеленоватый воздух леса. Каждый луч что-нибудь находит для себя. Один зажег искры в желтых каплях смолы на оранжевой коре дерева, другой сквозь черный глазок влетел в дупло — прямо в беличью квартиру — и светлым пятном улегся на рыжую спину хозяйки. А еще один луч отыскал на земле удивительный лист какого-то растения. Уже август, и этот листок, услышав о недалекой осени, поспешил сделаться красно-желтым. Он пятиконечный и похож на яркую морскую звезду. Много деревьев с каплями смолы и гнездами лесных жителей. Много цветных листьев. Много маленьких чудес. Уголек умеет находить их не хуже солнечных лучей.

— Пошли, — сказал он друзьям.

Братья Селивановы и Тетка быстро подружились с лесом. Они примолкли сначала, когда сосны окружили их и сделался слышным ровный и негромкий шум. Но Уголек сказал:

— Это ветер вверху.

Толик посмотрел на вершины деревьев, оглянулся и предложил весело и громко:

— Давайте охотиться на мамонтов!

— На мамонтов! — отчетливо сказало на просеке эхо, и все мамонты в лесу, наверное, сразу узнали про опасность.

Отчаянная Тетка сверкнула глазами, почти такими же черными, как глаза Уголька.

— Мы будем племенем охотников за бивнями.

Они смастерили оружие. Взяли палки, расщепили их Славкиным ножом и в развилку вставили длинные узкие камни. Камней и палок много на склонах лесистых гор. Камни крест-накрест прикрутили к рукояткам проволокой, которая нашлась в Славкиных карманах. Получились топоры, как у настоящих первобытных людей.

Только Витька Мушкетер отказался от топора.

Витька тоже был здесь. Великодушие Толика Селиванова покорило благородную Мушкетерову натуру. Через полчаса после нападения Тетки Мушкетер обругал Митьку и Козловых гнилыми кочанами и мимоходом, не теряя достоинства, помирился с Угольком и Вьюном.

Участвовать в охоте на мамонтов Мушкетер согласился, но только отказался сменить шпагу на топор. Это было не по правилам, но Толик сказал:

— Пусть. Это будет самая первобытная шпага.

Угольку топор сделал Толик. Сам Уголек не умел. Зато он знал, где пасутся мамонты.

Уголек шел впереди. Он руками и коленями раздвигал высокий влажный папоротник, и кругом колыхались листья. Они медленно качались, большие кружевные листья, и на них из-за сосен падали пятна солнца. Многие листья уже стали желтыми.

— Правда, они похожи на перья жар-птицы? — сказал Толику Уголек.

— Или на перья желтого страуса, — ответил Толик.

— Такие разве бывают?

— Не знаю.

— А разве бывают жар-птицы? — удивился круглый Славка. Он всегда удивлялся и всегда спрашивал.

— Бывают жар-птицы, — серьезно сказал Толик. А Витька Мушкетер сорвал одно такое перо и украсил им свою кепку.

— Чучело, — хмыкнула Тетка.

— О, сеньорита, — сокрушенно протянул Мушкетер.

— Олух, — сказала тогда сеньорита. — Как дам! Пообзывайся еще...

Мушкетер как-то сник. Он стал отставать и скоро оказался совсем рядом с Теткой, которая шла позади всех.

— Ты чего? — тихо спросил Мушкетер. — Я могу еще один лист сорвать... тебе.

Тетка с презрением мотнула загнутыми косами.

— Ну и наплевать, — изящно выразился Мушкетер.

Тетка насупилась... Мушкетер сорвал самый большой и самый золотой лист. Молча показал Тетке. Она косо взглянула на Витьку.

— Ну, давай...

И никто не заметил, когда в черных волосах отчаянной девчонки появилось яркое перо жар-птицы.

Уголек вывел охотников к поляне, где из травы поднимали свои круглые спины валуны-слонята.

Это были маленькие слонята, а не мамонты, и в душе Уголька шевельнулась жалость. Он лежал в молодом колючем сосняке рядом с Толиком и жалел слонят, будто они были живые, а не из камня. Он всегда так играл — забывал, что в игре не все настоящее. А сейчас Уголек привел охотников к поляне, где паслись знакомые слоновьи детеныши, и его слегка мучила совесть.

Когда охотники вскочили, и бросили камни, и хотели добить топорами загнанных в ловушку зверей, Уголек выбежал на поляну. Он выбежал и крикнул, подняв свой топор:

— Стойте! Не надо убивать мамонтов!

Все остановились и замолчали, и только удивленно покачивали головами сосны. Толик опустил свое оружие. Он был вождем племени. Его выбрали вождем, потому что он все время что-нибудь придумывал. Это он умел. Кроме того, Толик был самый старший. Мушкетеру, правда, тоже исполнилось двенадцать, но его не сделали вождем. Тетка сказала, что он оболтус.

Толик опустил топор, и другие охотники тоже опустили топоры. Даже Тетка.

— Почему не надо убивать мамонтов? — удивился Славка.

— Почему не надо? — подумав, спросил Уголька вождь охотников.

— Можно приручить их, — сказал Уголек. — Они сильные, они будут помогать нам... Это добрые звери...

Он стоял с опущенным топором среди больших круглых камней, и Толику вдруг показалось, что камни сейчас оживут. Шевельнутся и поднимутся на толстых ногах, вскинут хоботы и выставят желтые кривые бивни... И по приказу Уголька встанут на дыбы. Все разом.

Толик подошел к Угольку, а охотники остались у края поляны.

— А если мамонты растопчут тебя? — тихо спросил вождь.

Уголек поднял на него черные задумчивые глазищи.

— Не растопчут. Звери меня не трогают. Я их люблю.

Он только не сказал, что больше всех зверей любит собак.

— Ты мог бы стать укротителем, — раздумывая, произнес Толик. — Правда, мог бы.

— Зачем?

— В цирке.

— В каком цирке? — удивился Уголек, потому что знал, что мальчишек не берут в укротители. Но Толик уже придумал.

— В нашем, — сказал он. — Сами устроим цирк. Ведь идея?

Если бы знал Уголек, сколько неприятностей случится из-за этой идеи! Но про неприятности потом...

ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ. ИНОГДА ХОЧЕТСЯ БЫТЬ ОТКРОВЕННЫМ

— А как же охота? Эй, вы, дрессировщики! — начала злиться Тетка. Ей не терпелось испробовать в деле настоящий каменный топор.

— Я знаю, где живет старый мамонт. Он злющий, — сказал Уголек.

Он повел охотников к вывороченному пню. Самый большой корень этого пня был похож на хобот, а два корня по бокам торчали, как острые бивни.

Шли гуськом, и сзади всех шагал Витька Мушкетер. Он собирал букет из ярких листьев папоротника. Витька забыл, что через час желтые перья увянут и свернутся в сухие коричневые трубочки.

Но охотники не дошли до старого мамонта. Недалеко от дома, где кончается хвойный лес и шелестит невысокий березняк, они услышали противное блеяние.

— Берта, — определил Уголек. — Курьянова коза.

Братья Селивановы и Тетка уже знали про Курилыча. Они выразили сожаление, что козу почтенного пенсионера нельзя тут же пустить на похлебку.

— Вся в хозяина, ведьма, — пожаловался Уголек. — Бодается, как бешеная.

— Тетка, оставь топор, — строго сказал Толик. — Это все-таки не дикая коза.

Но если топоры охотников не грозили гнусной козе Курилыча, то ее поджидала другая неприятность: Витька Мушкетер со зловещей медлительностью вытягивал из-за ремня шпагу. У него с козой были особые счета.

Мягким шагом Витька двинулся туда, где раздавалось блеяние...

Скоро послышался Витькин призывный свист.

— Тихо, — зашептал Мушкетер, когда все залегли рядом. — Смотрите, что делает, гад.

Среди тонких березок гулял Курилыч. Он гулял в синей рубахе навыпуск, брюках галифе и тапочках. Из-под брюк торчали белые завязки кальсон. Круглое брюхо медленно колыхалось под рубахой. Остатки шевелюры и розовую лысину Курилыч защитил газетным колпаком.

— Что он делает здесь? — удивился Славка.

— Что? — дернул Толик Мушкетера за штанину.

— Не видите?

Курилыч подошел к березке и зажал в большом волосатом кулаке вздрогнувшую ветку. Он стал откручивать ее. Старательно, не торопясь.

Ребята видели, как трепетали мелкие листья, лопалась тонкая кожа коры и перекручивались белые волокна. Потом Курилыч рванул ветку, и она оторвалась, потянув за собой кору узким ремешком...

Толик даже вздрогнул. А может быть, это лишь показалось. Но он тихо и медленно сказал:

— У нас бы за это просто убили.

— Где? — прошептал Уголек.

— В степи... У нас там три тополька прижились, так за ними знаешь как ухаживали... Один пьяный дурак машиной тополек зацепил и сломал. Знаешь, что с ним за это сделали? Со строительства прогнали.

— Уволили? — шепотом спросил Уголек.

— Наверно, уволили потом. А сперва просто его чемодан папка наш в самосвал кинул — и катись на все четыре...

— А если бы не покатился?

— Он покатился. Если папа скажет, значит точка.

— Он у вас сильный, наверно, — сказал Уголек. С уважением сказал. Но без зависти. А чего ему завидовать? У него самого отец такой, что лучше не найти.

— Сильный? — переспросил Толик. — Ну... да. Ну и что? Ты думаешь, он драться стал бы? Он не руками сильный. Просто справедливый.

— Тише вы, — прошипел Славка. — Смотрите, он всю верхушку открутил.

Во время короткого разговора Уголек перестал следить за Курилычем. А за эти полминуты Курилыч согнул и обезглавил тонкую

аккуратную березку. Теперь она стояла жалкая, некрасивая. Протянула куда-то наугад оставшиеся длинные ветки, как человек протягивает руки, если внезапно ослепнет.

Тетка сжала зубы, и ноздри у нее вздрагивали.

— Целую кучу веток наломал, — удивился Славка. — Жрать, что ли, будет?

— Видишь, веники вяжет, — объяснил Уголек. — У него в огороде баня своя. Париться будет.

— Давайте все выскочим и заорем, — предложила Тетка. — Он убежит. Вредители всегда трусливые.

— А потом опять придет, — сказал Толик.

Уголек решил:

— Надо Сереже рассказать. Есть такой милиционер. Лейтенант.

Мушкетер задумчиво покусывал травинку, вспоминая одну умную фразу из рыцарского романа.

— Черная злоба опутала ваши сердца, — наконец сокрушенно сказал он. — И нет в них милосердия... Пусть парится человек, жалко вам, да? Пусть парится. Только надо в каждый веник добавить несколько веток боярки.

Боярка — это кусты боярышника, растущие на склоне у камней. Шагах в сорока. Шипы у боярки длиной в палец Уголька, острые и крепкие, как сталь. Говорят, их можно использовать вместо грамофонных иголок. Если такие шипы, да в веник...

— А как? — прошептал Толик и показал на Курилыча, который трудился над четвертым веником.

— Он уйдет, — с демонической улыбкой произнес Мушкетер.

Передав Тетке свою шпагу, он скользнул туда, где рогатая Берта обедала с березок листья.

Через минуту в отдалении раздался вопль козы. Это было даже не блеяние, а какой-то козлиный вой, полный невыразимой тоски и безнадежного ужаса.

Курилыч заволновался. Он бросил веник и, раздвигая животом ветки, тяжело двинулся в направлении ужасных звуков. Звуки удалялись. Курилыч надал ходу. Затрещали сучья.

— Бежим за бояркой, — крикнул Уголек.

Через несколько минут Тетка цепкими пальцами развязывала веники, а остальные маскировали в березовых листьях ветки с шипами.

— А вот если он нас поймает... — сквозь зубы сказал Славка. Он перетягивал веник шпагатом и даже вспотел от усердия. — Если он нас поймает...

— Пусть, — сказала отважная Тетка и придвинула топор. — Пусть он поймает. Браконьерская рожа...

Они торопились. И Уголек очень испугался, когда в кустах слышались шаги. Но это был не Курилыч, а Витька. Он сел на траву и усталым взглядом скользнул по веникам.

— Готово?

— Уходим, — скомандовал Толик.

— Не торопитесь, он вернется не скоро, — сказал Мушкетер. — Ему еще надо лезть на дерево. Оно высокое.

Славка удивленно захолопал глазами.

— Зачем Курилыч полезет на дерево?

— Зачем на дерево? — спросил Толик.

— За козой, — скромно сказал Мушкетер.

Уголек от восторга лег на спину и взбрыкнул ногами. Славка согнулся от беззвучного хохота и сел. Он сел на веники и тут же с воем вскочил. Тетка поправила в волосах желтый лист папоротника и подарила Мушкетеру восхищенный взгляд.

— Руку! — сказал Толик, и они с Витькой обменялись железным рукопожатием.

— А Курилыч все равно будет ломать, — заявил упрямый Уголек. — Я Курилыча знаю. Надо сказать Сереже. А то Курилыч все березы изведет. Для него они, что ли, растут?

— Мы сами можем караулить, — решил Толик. — Мы патруль организуем! Идея?

Это была вторая идея Толика. В отличие от первой, она потом помогла Угольку избавиться от многих несчастий.

В этот день больше не играли в охотников. Да и не было уже дня. Солнце скатилось за сосны, и в воздухе стала растекаться фиолетовая краска. И снизу, со двора, все чаще слышались примерно такие возгласы:

— Бори-иска! Марш домой!

— Толя-а! Надя-а!

— Витька! Долго я орать буду! Ну, приди только!

Тетка, Славка и Мушкетер спустились домой.

— Подождем чуть-чуть, — попросил Толик Уголька.

Стало темнее, и розовый месяц над черными соснами посветлел, сделался желтым. А внизу до самого горизонта рассыпались огни: квадратики окон, звезды фонарей...

— Мы жили в степи, — тихо сказал Толик, — папка работал там. Канал рыли. В палатках жили да в вагончиках. И школа была в вагончике. А кругом ровная степь. Ни города, ни леса...

СОДЕРЖАНИЕ

Белый щенок ищет хозяина. <i>Повесть</i>	5
Та сторона, где ветер. <i>Повесть</i>	69
Тень Каравеллы. <i>Повесть</i>	261
Колыбельная для брата. <i>Повесть</i>	399
Трое с площади Карронад. <i>Повесть</i>	537
Журавленок и молнии. <i>Роман для ребят и взрослых</i>	727
Сказки Севки Глущенко. <i>Повесть</i>	985